

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает
президент Федеральной палаты адвокатов РФ Светлана Игоревна ВОЛОДИНА

БЕЗ ПЕРЕМЕН В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ АДВОКАТУРЫ НЕВОЗМОЖНО

Президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ), вице-президент Адвокатской палаты Московской области, заведующая кафедрой адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, адвокат.

Обладатель корпоративных наград, в том числе медали ФПА РФ «За успехи в защите прав и свобод граждан» I степени (2006), ордена ФПА РФ «За верность адвокатскому долгу» (2011), Национальной премии в области адвокатской деятельности и адвокатуры в номинации «Деловая репутация» (2015), Бронзового бюста Ф.Н. Плевако (2022). Заслуженный юрист г. Москвы, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

— **Требуются ли какие-то изменения в системе адвокатуры на сегодняшний день?**

— Проводить изменения в одной адвокатуре можно, но неэффективно. Она — часть судопроизводства, развивать и совершенствовать одну ее нельзя: адвокатура должна быть профессиональной и независимой, но если не будет такого же суда, не страдающего обвинительным уклоном, то адвокатура мало что изменит. Все, что можно сделать в адвокатуре, мы делаем и будем делать, но хочется, конечно, влиять на судопроизводство. Хочется глобальных изменений в суде. Без перемен в судебной системе повышение роли адвокатуры невозможно.

— **Какие меры могли бы привести к желаемым изменениям?**

— Коротко не ответишь. Я помню, 30 лет назад был создан Российский фонд правовых реформ, который

пытался глобально изменить ситуацию. Этот фонд в целях изменения отношений в судебной системе решил начать со школьников, чтобы пришло новое поколение с другим правопониманием. Были подготовлены специальные учебники и курсы. Но это глобальная масштабная реформа, требующая длительного времени, которую нельзя провести каким-то одним указом.

— Что может сейчас делать адвокатура для развития права, исходя из ситуации, в которой мы находимся?

— Адвокатура понимает свои задачи. Она должна реализовывать их наиболее качественно. Адвокатура — это в первую очередь адвокаты. И прежде всего они действуют в правоприменении. Для каждого доверителя адвокат должен быть юридическим советником, который сделал все возможное для защиты его интересов, причем максимально эффективным способом.

— Процедура получения статуса адвоката обеспечивает приход туда хороших качественных юристов?

— В целом обеспечивает. Я много лет была членом квалификационной комиссии в Адвокатской палате Московской области, была гостем квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы и могу сказать, что прием экзаменов в полной мере соответствует требованиям сегодняшнего времени. У меня есть статистика по всей стране, она разная. Например, по двум самым крупным палатам я могу сказать, что экзамен не сдают около трети претендентов. Экзамен двуступенчатый (тестирование и устная часть), много вопросов по разным отраслям. Он в первую очередь направлен на проверку готовности и способности будущего адвоката действовать в определенной процессуальной ситуации. Если в вузе мы проверяем знание норм, то по прошествии стажировки или в случае наличия стажа юриста на экзамене мы проверяем, может ли юрист или стажер применить эти знания на практике.

— У тех, кто не сдает, хромает правоприменение?

— Скорее, им не хватает понимания того, что мы проверяем в ходе экзамена. Мы проверяем, готов

ли юрист один на один с доверителем решать поставленную юридическую задачу. Мы не проверяем, запомнил ли претендент норму, а как он ее может применить. Наизусть заученная норма нам не нужна. Мы хотим видеть, может ли он оказать юридическую помощь в конкретной ситуации в интересах своего доверителя.

— Это, наверное, сложно проверить именно на экзамене? Эта должна быть ситуация, приближенная к реальной?

— Для проверки у нас соответствующим образом сформулированы вопросы: не просто рассмотрение дел об установлении фактов, а деятельность адвоката при рассмотрении дел об установлении фактов. Мы ожидаем не то, что нам назовут норму закона, а то, что опишут действия адвоката. Этим и определяется сложность экзамена. Норму можно выучить, да и кодексами можно пользоваться во время экзамена. И самая большая ошибка претендента в том, что он списывает норму и начинает ее пересказывать. Экзамен идет единообразно по стране. Введена система КИС АР (Комплексная информационная система адвокатуры России). Письменная часть экзамена проводится и проверяется на едином сервере. Сейчас мы ведем работу по совершенствованию процедуры сдачи устного экзамена.

— Возникает впечатление, что экзамен довольно трудный. Это наводит на мысль, что требуется специализация деятельности адвокатов, так как нет юристов, обладающих знаниями по всему спектру правовых вопросов.

— Конечно. Таких нет. Претендент на статус адвоката должен понимать принцип работы адвоката: в чем его задача, какого результата он добивается, что такое правовая позиция и как достичь ее реализации. Я считаю, что на сегодняшнем этапе экзамен должен быть общим, потому что так же, как и когда мы приходим в университет, мы не знаем, кем будем и чем будем заниматься, и стажер адвоката не очень представляет, чем он будет заниматься в качестве адвоката. В больших городах есть возможность заниматься узкоспециализированными вопросами, в небольших — нужно быть терапевтами. Страна очень большая, есть палаты, где 8 человек, и Москва, где 16 тыс. человек. Причем ты сразу не зна-

ешь, получится у тебя в какой-то определенной сфере работать или нет. Претендент должен получить общий статус. Например, специализация адвокатов есть в Германии, но и в этом случае вначале адвокат получает общий статус, а для того, чтобы стать специализированным адвокатом, нужно провести дела по этой категории и выдержать дополнительный экзамен, и после него можно писать на визитке, к примеру, «адвокат по семейным делам». Нам в дальнейшем нужно задуматься о том, чтобы после приобретения общего статуса и профессионального опыта можно было бы подтверждать свои знания в узких направлениях практики. Но уже и сейчас когда ищут адвоката и просят рекомендации, то спрашивают адвокатов — специалистов по конкретным категориям дел.

— Какой смысл юристу становиться адвокатом?

— Адвокат имеет свой статус. В интересах доверителей государство гарантирует адвокату независимость, соблюдение адвокатской тайны. Например, адвоката нельзя допросить об обстоятельствах дела в отличие от юриста. Статус адвоката дает принадлежность определенному сообществу, которое задает высокую планку качества юридических услуг. Это сообщество решает общую задачу оказания квалифицированной юридической помощи. Мне кажется, что очень здорово быть членом независимого профессионального сообщества, которое борется за свою независимость и каждого своего члена. К тому же статус адвоката дает исключительное право на защиту в уголовном процессе, а сейчас цивилистические процессы часто идут в ногу с уголовными.

— Есть ли у адвокатских палат возможность защитить адвоката?

— Такая возможность есть. Во-первых, мы учим адвокатов самозащите. Задача палаты сделать так, чтобы адвокат не просто знал свои права, а умел защищать прежде всего самого себя. Практически все палаты создали комиссии по защите профессиональных прав адвокатов, и они прежде всего организуют непосредственную защиту конкретных адвокатов, собирают и анализируют информацию о нарушениях прав адвокатов, готовят обращения в различные инстанции. В Федеральной палате такой комиссией руководит Генри Маркович Резник. Напри-

мер, по делу Юрьева¹ он писал правовое заключение, впервые в стране президенты 47 адвокатских палат дали личные поручительства за него и много другое. Но прежде всего мы учим адвоката понимать профессиональные риски, чтобы он их знал, умел обходить, потому что только сильная адвокатура способна кого-то эффективно защищать. Но мы хотим совершенствовать и эту деятельность, и в ближайшее время пройдут занятия для членов комиссий региональных адвокатских палат.

— У нас судебная система не вполне пока признает адвоката в качестве равноправного участника. Можно ли исправить эту ситуацию?

— Да, есть определенная проблема. К счастью, есть такие адвокаты, как Генри Маркович Резник, были Семен Львович Ария, Михаил Адександрович Гофштейн. Подобные профессиональные и принципиальные адвокаты задают планку, к которой мы все стремимся, и это поднимает престиж всей адвокатуры. К таким адвокатам судьи прислушиваются. И если адвокатура станет более требовательной к себе, то и статус адвоката в целом повысится.

— В части повышения квалификации адвоката основную роль играют адвокатские палаты, и от них зависит, чему они учат. Например, одной из форм повышения квалификации является подписка на «Адвокатскую газету». Достаточно ли это требование для повышения квалификации адвокатов?

— Я считаю, что это хорошая практика, так как адвокат должен знать, что происходит в сообществе. Но главное — в газете обсуждаются острые профессиональные проблемы. Это своего рода учебник по актуальным проблемам. И надо отметить, что сейчас некоторые адвокаты, выписывающие газету, не пишут себе эти часы совершенствования профессионального мастерства в зачет. Мы проводим бесплатные вебинары для всех адвокатов страны ежемесячно. Мы учим и адвокатов, и стажеров, и членов квалификационных комиссий. Мы понимаем,

¹ Дело № 10-23437/2022. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/0f40d700-56cf-11ed-b7a1-6f813164b8d1?respondent=%D0%AE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2> (дата обращения: 02.02.2023)

чему кого учить, поэтому было бы желание учиться, возможность есть. Достаточно зайти на сайт ФПА и посмотреть, какие курсы, вебинары, конференции, круглые столы или мастер-классы идут сегодня. Те, кто понял, что это интересно и полезно, делают это не для часов, а потому что это нужно для профессионального роста, чтобы быть востребованным. По последней статистике вебинары смотрели 16 тыс. адвокатов. Это здорово!

— Куда обращаются доверители, недовольные услугами адвокатов?

— Они обращаются в квалификационную комиссию соответствующей палаты. В случае прекращения статуса адвоката советом палаты субъекта адвокат может обжаловать это решение в ФПА РФ. Например, я вчера впервые вела комиссию по этике и стандартам ФПА, и мы все единогласно решили, что адвокат в рассматриваемом деле справедливо был лишен статуса региональной палатой, настолько чудовищно непрофессионально он оказывал услуги заявителю. К счастью, это не частые случаи. К такой мере прибегают редко и обдуманно.

— Как обстоят дела с ораторским искусством у адвокатов сегодня? Кажется, сейчас оно упало в сравнении с эпохой Судебных уставов, в том числе и потому, что у нас суд присяжных играет незначительную роль, а тогда адвокат апеллировал не столько к суду, сколько к суду присяжных.

— Я начала свою адвокатскую практику в юридической консультации в областном суде, где слушались две категории дел: хищения в особо крупных размерах и квалифицированные убийства. Молодые адвокаты, как я тогда, в основном осуществляли защиту по убийствам, и в этих делах можно было развивать ораторские навыки. Но вдруг мне досталось дело, в котором, как мне казалось, адвокату нечего было и сказать: студент-филолог был пойман при выносе дорогостоящей книги из библиотеки и обвинялся в краже. Я тогда пришла к своему учителю, замечательному адвокату Леониду Исааковичу Фрейдину, и спросила его: «Что я скажу в суде? Что он больше книжки брать не будет?» На что он мне сказал: «По таким сложным делам, как убийства, любой адвокат найдет что сказать, а если ты найдешь, что сказать по этому делу, и судья тебя будет слушать, а не

писать приговор, то ты станешь адвокатом. Если у этого же судьи по другому делу тебя опять будут слушать, то ты станешь хорошим адвокатом, а если у этого судьи тебя всегда будут слушать, то ты станешь очень хорошим адвокатом». С этого момента риторика стала для меня практической задачей — как выступить так, чтобы меня слушали хотя бы в первый раз. Юридическая риторика — это говорить не красиво, а убедительно. И говорить в ситуации суда присяжных смогут многие, но этому тоже нужно учиться, поскольку надо понимать, какие механизмы и приемы мы задействуем. Говорить кратко в ситуации сегодняшнего суда еще сложнее, это определенное умение. Многие адвокаты начинают говорить со штампов: «Моему подзащитному предъявлено такое-то обвинение...» Их не слушают, это неинтересно. Нужно заинтересовать суд и показать, что ты говоришь нечто полезное. Я рада, что риторика в том или ином варианте сейчас преподается. Мы проводим много риторических конкурсов. При этом одно дело написать, а другое — донести, и часто тот, кто занял первое место за эссе, занимает 150-е место в устном конкурсе. Это разные умения. Адвокату нужно уметь и то и другое.

— Кого бы Вы выделили из адвокатов прошлого, из присяжных поверенных, как наиболее полезно для современности?

— Они интересны все. Владимир Данилович Спасович на первом месте для меня. Александр Иванович Урусов, Сергей Аркадьевич Андреевский. В этом году мне пришлось сниматься в фильме о Федоре Никифоровиче Плевако, пришлось много прочитать о нем и его работе, речи. Я его не ставила на первое место в своем личном рейтинге, и надо сказать, что я ошибалась. Я не столько учу на этих речах, но очень прошу их читать студентов в целях расширения кругозора. Но учим мы на современных примерах, например на речах Семена Львовича Арии, Генри Марковича Резника. Есть очень много адвокатов, на примере которых можно показать, как надо говорить.

— Подход к построению речи сейчас изменился, наверное? Требуется большая краткость?

— Дело не в краткости. Есть речь Арии, которую он произнес в 1967 году, и несмотря на то, что в том деле

его подзащитного расстреляли, но ее назвали лучшей судебной речью XX века. В ней Семен Львович показал, как нужно перед судом рассуждать о том, на какие вопросы должен ответить суд, чтобы вынести приговор.

— Может быть, если бы он выступал перед судом присяжных, подзащитного и не расстреляли бы.

— Однозначно.

— Меняется ли обвинительный уклон судов при рассмотрении уголовных дел? Как можно переломить этот подход?

— Это очень важный вопрос, который стоит перед всей судебной системой сегодня. Должен быть изменен стандарт доказывания, чтобы изменить эту ситуацию. Но и в текущей ситуации есть задачи, которые адвокаты решают. Просто хотелось бы, чтобы таких примеров было больше и складывалась тенденция, когда в равной степени слушают обе стороны — защиты и обвинения.

— Участвует ли ФПА РФ в законотворческой работе? Часто ли вас привлекают?

— Да, мы можем высказывать свои позиции. Мы очень внимательно относимся к такой деятельности. Для этих целей у нас целый штат советников.

— Вас привлекают в основном по вопросам процессуального права?

— По всем вопросам, хотя к процессуальному праву мы относимся очень внимательно.

— Лоббирует ли ФПА РФ какие-то законодательные изменения по собственной инициативе или только когда спрашивают?

— Конечно. Например, есть определенные болевые точки, в устранении которых палата крайне заинтересована. Скажем, нет ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности. Мне кажется, если бы была административная и даже уголовная ответственность, то многие задумались бы. Когда касается наших непосредственных интересов, мы проявляем инициативу.

— А что мешает эту ответственность ввести?

— Трудно сказать.

— Почему такие катастрофически низкие ставки для адвокатов по назначению?

— Не могу ответить. Хотелось бы, чтобы размер вознаграждения адвоката сравнился с оплатой работы обвинителя. В уголовном процессе ставки низкие, а в административном и гражданском процессах еще ниже. Но в договоренности адвоката с доверителем государство, конечно, вмешиваться не должно.

— Есть ли какая-то общая политика в отношении адвокатуры в государстве сейчас, на Ваш взгляд?

— Уровень государства во многом, по моему мнению, определяется отношением к адвокатуре. Сильное государство заинтересовано в сильной адвокатуре. А.Ф. Кони считал прокурора защитником справедливого правосудия. Нам очень не хватает такого взгляда на дело со стороны следователей, прокуроров, судей. В Московском областном суде, где я работала в начале своей карьеры, были судьи, которые учили нас работать. Мы обедали в одной столовой, и никто не считал, что мы можем что-то не то сказать. Я могла прийти к судье и посоветоваться, в этом не было ничего крамольного. Конечно, нельзя сказать, что сейчас совсем нет профессиональных следователей и судей. Они есть. Но общая тенденция, безусловно, обвинительная. Нередко судьи боятся выносить оправдательный вердикт, чтобы не подумали, что они имеют какую-то заинтересованность.

— В чем причина такой ситуации?

— Борьба с коррупцией как общая тенденция накладывает свой отпечаток. Например, судьи со знаковыми адвокатами в суде сейчас не здороваются. Это, конечно, очень поверхностное представление о взаимоотношениях участников судопроизводства, но такова наша реальность. Когда в 2002 году приняли новый УПК, я предложила председателю Московского областного суда Светлане Викторовне Марасановой провести встречу судей, адвокатов и прокуроров для обсуждения нового Кодекса, и мое предложение было принято с радостью. Сейчас я не представляю, что такое возможно.

— Адвокату сложно стать судьей? Нет ли какого-то предубеждения?

— Не могу привести статистику, но по факту судей — бывших адвокатов очень мало, это очень редкий случай. Хотя мировой опыт показывает, что в некоторых странах адвокатов часто берут в судьи, и ничего плохого из-за этого не происходит.

— Какое самое интересное или яркое, запоминающееся дело было в Вашей практике?

— Прежде всего вспоминаются дела, которые я проиграла, но доверитель понимал, что я сделала все, и обращался ко мне и в следующем случае. Так что больше запомнились дела и доверители, которые остались со мной после проигранных дел. Дел, запомнившихся чем-то особенным, было много. Судьба сталкивала меня с уникальными адвокатами. Например, я работала в деле с Марком Иосифовичем Коганом, который защищал мальчика, обвинявшегося в убийстве. Он мне тогда сказал, что немотивированных убийств не бывает и что будет доказывать, что мальчик не совершал убийства. В ходе рассмот-

рения дела стало понятно, что совершить убийство было выгодно сыну высокопоставленного сотрудника милиции. После этого от М.И. Когана потребовали выйти из процесса под угрозой возбуждения против него уголовного дела, но адвокат остался защищать мальчика. Это было для меня примером проявления героизма. Давление на адвоката было очень серьезным. Родственников его подзащитных, которые отбывали наказание, заставили написать заявления, что они давали адвокату деньги помимо кассы, и за это им обещали условно-досрочно освободить заключенных. Те, конечно, написали такие заявления. Дело возбудили в отношении М.И. Когана, но вся адвокатура встала на его защиту. Я рада, что в самом начале карьеры столкнулась с таким адвокатом. Позднее он написал об этой истории книжку «Исповедь строптивного адвоката», к которой попросил меня написать предисловие. И я написала: как здорово, что есть звезды, которые отличаются по степени яркости, а есть путеводные, и как здорово, что они есть в адвокатуре — такие, как Марк Иосифович Коган, как путеводная звезда. Я не знаю, есть ли у меня подобное мужество, но у меня есть эта путеводная звезда. 📌